

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ
КОМПАРТИИ США ГЭСОМ ХОЛЛОМ

4 марта 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего хочу приветствовать Вас, товарищ Холл, и выразить признательность за хорошую речь, с которой Вы выступили у нас на съезде.

КПСС сейчас переживает весьма важный этап в своей деятельности. Мы постарались осмыслить нынешнюю новую историческую полосу и задачи, возникающие в этой связи как внутри страны, так и на международной арене. Выводы, к которым мы пришли в итоге того осмысления, изложены в Политическом докладе ЦК съезду. Исходной точкой для нас в представленном анализе служат ленинский подход, ленинская принципиальность, научная и бескомпромиссная оценка как имеющихся у нас достижений, так недостатков и проблем, возникающих на нашем пути. Нельзя не вспомнить в этой связи ленинские слова о том, что лучшая политика – это принципиальная политика. Мы смогли с такой прямотой и откровенностью сказать обо всем нашему съезду потому, что чувствуем поддержку всей партии, всего народа, сплоченность всей страны.

Принципиальные стратегические цели и задачи партии остаются неизменными, остается прежней наша твердая приверженность тем ценностям, которые мы всегда отстаивали.

Что же касается практического осуществления этих целей, путей и методов их достижения, необходимости большего динамизма в подходе к решению многообразных задач, то здесь, конечно, многое предстоит изменить. Изменить прежде всего именно в смысле более динамичного ведения дел в экономике, в социальной сфере, в нашей политической жизни. А это означает прежде всего необходимость изменений в самой партии. При этом, конечно, будет сохраняться ее сущность как политической организации рабочего класса. Речь идет о дальнейшем развитии принципов партии, таких как коллективный и открытый характер ее деятельности, демократизм и т. п. Мы видим, что не только коммунисты, но и широкие массы народа идут за

нами. Давно уже не было в нашей стране такого политического подъема в жизни и трудовой деятельности людей, как сегодня. В этом и заключается наша цель – максимально использовать потенциальные возможности социализма. И тех на Западе, кто ожидает, что мы откажемся от социализма, конечно, ждут разочарования. От социализма мы отказываться не собираемся. Наоборот, **нам нужно больше социализма, больше демократии, больше сознательности.** А это значит – больше идеологической активности.

Мы понимаем, что нам предстоит преодолеть немало трудностей. Но сегодня мы знаем, что необходимо делать и каким образом идти к достижению поставленных целей. Я имею в виду прежде всего экономическую сферу, а в рамках этой сферы, разумеется, проблемы научно-технического прогресса. Назрела необходимость перестройки экономического механизма, с тем чтобы он полностью соответствовал тем новым проблемам и задачам, которые стоят перед советским обществом. Мы считаем, что социализм создал благоприятные предпосылки для более активного участия людей во всех процессах управления общественной жизнью. Ленин говорил, что неграмотный человек стоит вне политики. А теперь у нас сегодня самый образованный народ. И, естественно, он может и хочет реализовать свой грамотный потенциал и, таким образом, достойно проявить себя. Для этого сейчас существуют новые возможности.

На XXVII съезде КПСС мы сказали, что все то, что начинаем ныне в нашем обществе, должно утверждаться прежде всего в партии. Когда мы говорим о необходимости новых методов во всей нашей деятельности, то начинаем эту работу с партии. Когда мы повели в стране борьбу за укрепление организованности и дисциплины, то начали с партии. Что касается борьбы против пьянства, то и в этом вопросе работа началась в первую очередь в партии. Мы твердо сказали, что у нас не может быть двух дисциплин, двух законов, что у нас все равны перед законами. И прежде всего были предъявлены повышенные требования к коммунистам.

Эти и другие осуществляемые партией меры находят горячий отклик у советских людей. Например, в связи с 55-летием со дня рождения я получил множество писем, в которых выражается поддержка линии партии. Это письма от самых различных людей, представителей всех поколений, мужчин, женщин, детей, и во всех них – самая патриотическая поддержка курса партии. Это подтверждает правильность сделанного нами в ходе научного анализа обстановки и растущих задач вывода о том, что назрела необходимость повысить активность людей, повести динамичную политику. Конечно, осуществляя эту политику, мы учимся и сами. Думаю, что если бы можно было донести в полном объеме до сознания всех народов мира, какие задачи мы решаем, что мы делаем у себя в стране, каковы подлинные устремления советского народа и советского руководства, это явилось бы хорошим фактором в деле взаимопонимания между народами. Очень важно было бы донести нашу правду до американского народа. Кстати, мы получили информацию о том, что о Вашей речи на съезде помещена небольшая заметка в газете «Нью-Йорк Таймс». Хотя в целом, конечно, американская печать всячески стремится замолчать наш съезд, особенно – его международный раздел. Что же касается внутреннего раздела, то делаются попытки поставить под сомнение принимаемые на нем решения, чтобы таким образом снизить их воздействие. Но, конечно, в этом для нас с вами нет ничего нового. Мы понимаем, в каких условиях приходится вести борьбу вашей партии. Пожалуй, у американских коммунистов в этом смысле самая трудная судьба. Ведь вам приходится работать в главной империалистической стране, метрополии современного капитализма.

Однако настрой, дух нашего съезда все-таки проникает и за океан. Наверное, поэтому недавно в адрес американских средств информации, освещавших работу нашего съезда, последовал окрик со стороны самого президента США. Вот в чем проявилась та самая демократия, которой так любят хвастаться американцы.

Кстати, и на нашей встрече в Женеве Президент Рейган наговорил много такого, что нельзя назвать иначе, как банальностями. Поэтому я сразу же сказал ему: давайте не будем говорить друг другу банальности, давайте говорить о реальной политике, о реальных вещах. Мы прекрасно представляем себе, кто вы такие, а вы знаете, кто мы такие. Так что нет смысла пытаться обратить друг друга в свои убеждения, это должно быть ясно с самого начала. Вместо этого, сказал я, давайте лучше подумаем, как нам в этих условиях действовать в интересах и советского, и американского народов, чтобы как-то улучшить двусторонние отношения, а затем, может быть, сделать эти отношения дружественными, исходя из того понимания, что наши страны не только различны, но и в то же время связаны взаимозависимостью. Ведь альтернативой может быть всеобщее уничтожение. Это безумие.

Но я чувствовал, что мой собеседник настолько «заряжен» обоймой стереотипов, что ему действительно трудно воспринимать нормальные трезвые доводы. А как только речь заходила о конкретике, Президент сразу начинал говорить: «пусть скажет Шульц». Во время же наших бесед «у камина» – так их назвал сам Президент – дело обстояло так, что Рейган зачитывал мне бумажки с подготовленными для него заранее тезисами. Одним словом, тяжелый был у меня собеседник. В то же время я видел, что Президент очень хотел продемонстрировать американскому обществу, что, дескать, контакт с советским руководством установлен, атмосфера улучшилась, что благодаря рукопожатию в Женеве лед тронулся, и дело пошло к лучшему. Вот и все, чего он хотел. Нельзя не видеть, что и сейчас Рейган пытается эксплуатировать Женевскую встречу в своих интересах. И все же перед Женевой мы были уверены в том, что ехать на встречу надо, ибо необходимо искать подходы друг к другу, налаживать какой-то диалог. К тому же первая такая встреча была нужна просто для того, чтобы изложить друг другу свои позиции.

Однако сейчас, когда речь идет о второй встрече в верхах, мы твердо исходим из того, что она должна ознаменовать собой новый шаг, шаг вперед

по сравнению с тем, что было в Женеве, в направлении достижения позитивных решений по центральным вопросам наших отношений. В Вашей, товарищ Холл, речи на съезде я уловил мысль о том, что в США ехать надо, хотя бы для того, чтобы непосредственно изложить американскому народу наш взгляд на мир, на роль в мировых делах СССР и США и таким образом способствовать действиям тех сил в американском обществе, которые существуют и, как мы видим, несмотря на трудности, растут и борются за разоружение, за приздание нашим отношениям более позитивного характера.

ХОЛЛ. Сначала позвольте, товарищ Горбачев, сказать несколько слов непосредственно о съезде. Мы, представители братских партий, присутствуя на съезде КПСС, не только вслушиваемся в выступления делегатов, но и постоянно думаем о том, как будем рассказывать по возвращении о съезде своим товарищам по партии. И признаюсь, что вначале мне казалось, что об этом съезде отчитываться будет весьма трудно. Но когда я осмыслил его главную устремленность, его боевой настрой, а также и то, что лежит в основе новой редакции Программы, в основе обсуждаемых изменений Устава КПСС и той здоровой критики, которая звучит на съезде, то я понял, что на этой основе мне не представит труда построить свой отчет о XXVII съезде. Я с огромным удовлетворением отмечаю, что съезд ознаменовался не только блестящим Политическим докладом ЦК, но и исключительно богатой и содержательной дискуссией, уровень которой почти не уступает самому докладу. Одним словом, это весьма впечатляющий и выдающийся съезд.

ГОРБАЧЕВ. Мы сами давно не помним такого замечательного съезда.

ХОЛЛ. Сегодня на своей пресс-конференции с иностранными корреспондентами я хочу подчеркнуть мысль, которая очень близка к тому, что Вы отметили, товарищ Горбачев. Она заключается в том, что если донести до народов мира все основные идеи, которые выдвинул съезд, то это будет иметь сильный политический эффект. Я имею в виду, в частности, хорошо изложенные Вами основополагающие принципы политики мира, новые идеи и оценки, содержащиеся во внешнеполитической части доклада. Мне хотелось

бы сформулировать свою мысль так: речь идет о новой философии реалистичного подхода к современному миру.

ГОРБАЧЕВ. Рад, что Вы даете такую оценку. Именно этого мы и хотели и к этому стремились, разрабатывая идеи и установки XXVII съезда.

ХОЛЛ. Мы намерены широко пропагандировать эти идеи, будем стремиться донести их до максимального числа американцев. Появление заметки в газете «Нью-Йорк Таймс», о чем Вы, товарищ Горбачев, упомянули, по-моему, весьма интересный факт. Нам известно, что 10 лет назад редакция этой газеты приняла решение никогда не упоминать на своих страницах Компартию США. И вот им пришлось изменить эту линию.

ГОРБАЧЕВ. Это действительно интересный факт.

ХОЛЛ. Думаю, что в результате появления упомянутой заметки в моем кабинете меня будет ждать как минимум 20 или даже 50 приглашений о выступлении в передачах американского телевидения. Это позволит мне обратиться к миллионам американцев.

ГОРБАЧЕВ. Когда Вы будете говорить с представителями средств массовой информации и через них обращаться к американскому народу, я хотел бы, товарищ Холл, чтобы Вы подчеркнули такую мысль: мы сказали на съезде – и я хочу это особенно акцентировать в беседе с Вами, – что наша цель не в том, чтобы выиграть пропагандистскую битву с американской администрацией, а в том, чтобы предложить подлинно реалистическую политику, способную выпрямить отношения между нашими странами и обстановку в мире. В этом наше подлинное стремление. Но пусть никто не видит в этом проявление слабости с нашей стороны. Мы не хотим переиграть другую сторону. Но пусть и американцы не пытаются переиграть нас.

ХОЛЛ. Думаю, что такой подход понравится американцам. Они любят прямой разговор, это у них в характере. Хочу подчеркнуть один очень важный результат Женевской встречи на высшем уровне. Его, действительно, важно иметь в виду, хотя он не является, так сказать, материально осязаемым. Речь идет о колossalном эффекте встречи в смысле воздействия на настроения

американских людей. В широком плане можно сказать: Женева вызвала как бы переворот в сознании американцев.

ГОРБАЧЕВ. Об этом мне говорил и сенатор Кеннеди.

ХОЛЛ. Это действительно неоспоримый факт. Конечно, мы ожидали, что Женевская встреча будет иметь положительное воздействие, но ее действительность превзошла наши ожидания. В настроениях американцев произошли большие перемены, и они, конечно, не могли не сказаться на моих размышлениях о перспективах Вашего визита в США. Я думаю так: конечно, если бы удалось достичь с нынешней администрацией США более конкретных результатов в области безопасности, то это было бы крупным успехом. Но даже если результаты в этой области будут, просто, скажем, далеки от желаемых, я все равно был бы за проведение Вашего визита, товарищ Горбачев, в США. При этом я исхожу, прежде всего, из его возможного политического эффекта. Уже сегодня есть новые примеры изменений в настроениях американцев. Я имею в виду и недавнее голосование в палате представителей конгресса США в пользу прекращения ядерных испытаний, и тот факт, что, согласно проводимым в США опросам, лишь 22 процента американцев выступают сейчас за увеличение американского военного бюджета. Изменившееся общественное настроение проявляется в том, что если раньше в США многие воспринимали Советский Союз как источник военной угрозы, то начиная с введения вами моратория отношение к СССР стало меняться. Я очень хорошо заметил это, выступая в прямой радиопередаче с ответами на звонки радиослушателей. Мне пришлось говорить с тысячами американцев, и я заметил, что идея о том, что Советский Союз представляет собой «угрозу», практически исчезает из разговоров. Большого политического эффекта можно ожидать и от Вашего предстоящего визита, особенно если Вы выступите на совместном заседании обеих палат конгресса США. Кстати, я бы настаивал на предоставлении Вам такой возможности в качестве одного из условий визита. И дело не только в том, что это общенациональная трибуна США, но и в том, что эту речь обязательно

передадут все главные телекомпании страны. Хотя, конечно, Рейган, направляясь к Вам с ответным визитом через год, будет требовать предоставления ему аналогичной возможности.

ГОРБАЧЕВ. Что же, мы, как Вы знаете, опубликовали его интервью, показали по телевидению его новогоднее выступление. Наш народ прекрасно все понял, о чем он говорил. У нас ведь люди зрелые и достаточно подготовленные.

ХОЛЛ. Сейчас в Соединенных Штатах два вопроса занимают очень большое место в мыслях людей и являются предметом острой политической борьбы. Во-первых, это вопрос о советском моратории на ядерные взрывы, истекающем 31 марта. Он дал сильный импульс для серьезных размышлений американцев. И в этом его огромное значение. Второй большой вопрос – вопрос о Вашем визите в США.

Незадолго до отъезда я встречался с руководителями Движения сторонников мира США. Состав участников был как никогда широким. Участвовали профсоюзные деятели, сторонники замораживания ядерных вооружений, представители церквей. Ведется подготовительная работа по проведению многотысячной демонстрации сторонников мира, которая должна состояться незадолго до Вашего приезда в США. Уверен, что она станет важным событием в борьбе против курса, проводимого Рейганом.

В своей тактике мы большое внимание уделяем оказанию давления на членов конгресса. Ведь Рейган, как Вы правильно сказали, в большинстве случаев лишь читает подготовленные для него тезисы, в остальном – у него своя идеологическая запрограммированность. Но, действуя через конгресс, мы рассчитываем достичь многого. Рейган и те, кто его окружает, не хотят, чтобы Ваш визит в США состоялся в сентябре или октябре нынешнего года, т. е. незадолго до выборов в конгресс. И понятно почему. Они откровенно говорят, что «Горбачев окажет влияние на выборы». А выборы будут действительно важными. У нас есть уверенность в том, что республиканцы могут потерять свое большинство в сенате. И таким образом весь конгресс – и сенат, и палата

представителей – станет антирейгановским. Это, несомненно, может открыть новый этап в развитии обстановки. В том, что Ваш визит может оказать влияние на наши выборы, нет никакого сомнения. Уже сейчас ясно, что вопросы мира и безопасности будут занимать на них важнейшее место.

ГОРБАЧЕВ. Когда я беседовал с сенатором Кеннеди, он советовал уже сейчас определить сроки проведения следующей советско-американской встречи в верхах. Он утверждал, что таким образом удастся организовать нажим на администрацию, с тем чтобы встреча прошла с содержательной повесткой дня. А если американская администрация начнет маневрировать и уходить от действительно серьезных вопросов и, таким образом, поставит само проведение встречи под сомнение, то и этот факт, утверждал Кеннеди, можно было бы использовать в интересах сторонников мира и налаживания более реалистических отношений между нашими странами. Правда, сам я чувствовал, что, когда сенатор Кеннеди говорил об этом, он руководствовался не в последнюю очередь собственными интересами и интересами демократической партии США.

ХОЛЛ. Думаю, со сроками второй встречи в верхах спешить не надо. Мне кажется, что в Политическом докладе ЦК КПСС Вы весьма умело осветили этот вопрос, сказав, что, видимо, встреча, на которой не было бы достигнуто существенных результатов, не имела бы смысла. Такая постановка вопроса, оставляющая срок проведения встречи на некоторое время как бы подвешенным в воздухе, по-моему, весьма эффективна и способна оказать соответствующее воздействие на США. Как мне представляется, такой молчаливый «политический километраж» о сроках встречи Вам хорошо бы было держать и дальше.

ГОРБАЧЕВ. Мы стремились тщательно сформулировать положение доклада, о котором Вы говорите.

ХОЛЛ. Получилось очень хорошо.

ГОРБАЧЕВ. Большое спасибо, товарищ Холл, за эту беседу. Я был рад поближе познакомиться с Вами. Хочу сказать, что мы будем и впредь делать

все для продолжения нашего товарищеского сотрудничества, укрепления братских отношений между нашими партиями.

ХОЛЛ. Огромное спасибо, товарищ Горбачев. Только один вопрос: могу ли я ссылаться на нашу сегодняшнюю беседу на пресс-конференции, которая состоится сегодня с моим участием?

ГОРБАЧЕВ. Разумеется. Желаю Вам, товарищ Холл, и вашей партии больших успехов в борьбе за наши общие классовые идеалы.